

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

7. — МОЕ МѢСТО СРЕДИ ДВУХ ПЕТЕРБУРГСКИХ ТЕЧЕНИЙ.
— «КОАЛИЦИОННЫЙ СЪѢЗД» И «СОЮЗ СОЮЗОВ». — РАСКОЛ
НА ОТНОШЕНИИ К БУЛЫГИНСКОЙ ДУМѢ. — МОЙ АРЕСТ.

По политическим дѣлам мнѣ приходилось в этом (1905) году все время кочевать между Москвой и Петербургом. В Москвѣ я был гостем, а в Петербургѣ — точнѣе под Петербургом, на станціи Удѣльной, по финляндской дорогѣ, меня интернировал на постоянное жительство департамент полиціи. 18 минут, отдѣлявшія Удѣльную от столицы, конечно, не служили препятствіем для почти ежедневнаго посѣщенія Петербурга. Крѣпкія связи соединяли меня с народниками кружка «Русскаго Богатства»; к описываемому времени завязались отношенія и с петербургскими «освобожденцами». Различіе между ними и всѣх их с московскими друзьями было очень замѣтно и вводило меня в иную политическую атмосферу сравнительно с московской. Здѣсь не чувствовалось «широкой» московской природы и не было лѣнливо-довѣрчиваго московскаго благодушія. Боевой тон общественной борьбы и соответственная подтянутость об'яснялись уже тѣм, что враг был здѣсь ближе и опаснѣе. Картина дружественной встрѣчи с врагами — тузов правительственных с тузами литературы — в салонѣ баронессы Искуль, увѣковѣченная в романѣ Потапенки, становилась послѣ смерти Михайловскаго уже нѣкоторым анахронизмом. Политическія теченія в Петербургѣ оформились и дифференцировались раньше московских; между ними шла острая полемика в подцензурной печати, перешедшая скоро в подпольные органы, — когда в Москвѣ отгѣнки политической мысли еще сливались. Быстрѣе шла и организація общественных групп, переходивших в партійныя; сокращалось разстояніе

между словом и дѣйствіем, — а вмѣстѣ с тѣм учащались и полицейскія мѣры, ставшія постоянной чертой в біографіях всѣх сколько-нибудь видных общественных дѣятелей столицы. В такой средѣ нельзя было оставаться нейтральным. Это особенно относилось к народническому кружку. Политическіе противники справа неуважительно сравнивали его с литературным «участком», гдѣ каждаго новичка допрашивали, «како вѣруешь», — и принимали в свою среду только послѣ строгаго испытанія общественной «благонадежности». Здѣсь строгаго поддерживалась радикальная традиція русской интеллигентской общности; у ней был свой культ и свои святые, — ставшее ходячим сравненіе русской интеллигенціи с монашеским «орденом» было взято именно из этой среды. Принадлежность к «ордену» была уже нѣкоторой конспираціей, которая из легальной незамѣтно переходила в подпольную.

Безспорным вождем направленія послѣ смерти Михайловскаго сдѣлался в эти годы Н. Ф. Анненскій, только что вернувшійся из ссылки и принесшій с собой репутацію «учителя жизни». Помню свою первую встрѣчу с ним в средѣ петербургской молодежи. Собравшіеся толпились в двух комнатках, ожидая кого-то мнѣ неизвѣстнаго. Вдруг шумные аплодисменты у входа возвѣстили об его приходѣ—«Анненскій, пришел Анненскій». — Сквозь толпу пробирался видный сѣдой старик с розовыми щеками и несходившей с лица улыбкой, пожимая направо и налево руки знакомым и сыпя островами. Сразу получалось впечатлѣніе: вот открытая душа, в ней же «нѣсть льсти», — зараз учитель и друг, близкій каждому и возвышающійся над всѣми. Болѣе близкое знакомство подтвердило первое впечатлѣніе и еще углубило его, показав, в чем сила этого жизнерадостнаго юноши в сѣдинах. Он мыслил честно и мыслил глубоко, думая за всѣх, проявлял при этом большой жизненный опыт, тонкую наблюдательность, настоящую, неповерхностную культуру, при всем том, безконечную доброту. Его рѣчь покоряла пафосом подлиннаго энтузіазма; его писанія убѣждали доказательностью содержанія. Широкий взгляд и общительная натура спасали Анненскаго от послѣдствій замкнутости и нетерпимости «ордена». Авторитет представителя стараго поколѣнія, обвѣяннаго ореолом героической борьбы семидесятых годов, и несомнѣнный талант привычнаго руководителя могли бы сдѣлать его вождем поколѣнія, если-бы пьедестал, на который

он был вознесен, не был уже подкван молодойми «отрицателями наслѣдства».

То было новое поколѣніе, выступившее с рѣзкой критикой народнической традиціи под знаменем марксизма. Были тут, разумѣется, переходы и перекрещиванія; но, в общем, не будет большой неточностью сказать, что именно из этого поколѣнія вышло руководящее ядро «освобожденцев». Если видные народники донесли до начала XX вѣка традиціи семидесятников, то видная молодежь новаго призыва принесла с собой на общественную арену болѣе сложную психологію безвременья восьмидесятих годов. «Традиціи» и «культ» здѣсь просто не успѣли еще сложиться. Не было и единства доктрины; она только-что начинала вырабатываться. Отсутствие одного общеобязательнаго міровоззрѣнія приводило к извѣстной пестротѣ мнѣній. Общей чертой между ними, пожалуй, было здѣсь то, что в противоположность волевому индивидуализму и кружковой замкнутости «ордена» новое поколѣніе перенесло всѣ надежды на законы исторіи и на коллективную волю «масс». Тут тоже нужны, конечно, оговорки, которыя приходится опустить. Главная из них та, что, все же, по ту и другую сторону стояла та-же русская интеллигенція, и об'ектом ея упованія — пусть по разному — оставался тот-же русский народ... И — в предѣлах освобожденчества — основной задачей было, попрежнему, — или вновь ставилось — сотрудничество интеллигенціи и масс в едином революціонном процессѣ. Пока эта связь не отрицалась принципиально, мое мѣсто было среди тѣх и других.

Однако, при всей близости, точки приложенія практической дѣятельности обоих кругов были различны. Народники из «Русскаго Богатства» избрали легальным хранилищем своих традицій «Литературный Фонд», на базѣ котораго скоро организовался союз писателей. Всѣми уважаемый К. К. Арсеньев с Н. Ф. Анненским символизировали там сближеніе либеральной и народнической демократіи. Культ «долга» перед крестьянством олицетворялся В. И. Семевским и В. А. Мякотиним. Поддерживала огонь на алтарѣ неугомонная М. В. Ватсон, неутомимая сестра милосердія писательскаго круга. Другое теченіе, подходившее к политикѣ от марксистскаго экономизма, но не вмѣстившее крайностей социал - демократической доктрины, облюбовало легальное пристанище в Вольном Экономическом Обществѣ. Анненскій и

тут верховодил фалангой земских статистиков — «третьим элементом» в земствѣ, революціонно настроенным. В самом центрѣ стояла группа Прокоповича - Кусковой; это была главная движущая пружина Союза Освобожденія, именно — его «технической группы», одинаково завѣдывавшей экспедиціей журнала и организаціей выступленій. В частности, Кускова из первых пошла бунтом против соціал - демократическаго правовѣрія и сдѣлалась мишенью полемической стрѣльбы по памяtnому «Кредо» 1899 г., которым об'являлась война монополистам пролетаріата и предлагался союз с буржуазной демократіей. Конкурента рабочему пролетаріату здѣсь искали в коопераціи, подходя тѣм самым к земству с его демократической стороны — со стороны «третьяго элемента». Прочным щитом от власти служила для всей этой разночинной группы, во-первых, самая фирма древняго Екатерининскаго учрежденія, а, во-вторых, благородная личность его президента, графа Гейдена. С своим консерватизмом англійскаго типа, гр. Гейден твердо стоял на стражѣ прав учрежденія; с необычайным терпѣніем и выдержкой он прикрывал раннія проявленія растущаго радикализма легальных членов и нелегальных посѣтителей стариннаго зданія Общества. Всѣм была по душѣ его милая манера, — заикаясь и дѣлая паузы, отпускать с серьезным видом остроты или провозглашать неопровержимыя сентенціи истинно - консервативнаго либерализма. Под этой надежной опорой Общество быстро превращалось в главный штаб революціоннаго движенія 1905 года.

Я был признан «своим» в обоих центрах легальнаго общественаго движенія; но найти свое собственное мѣсто среди них было нелегко. А это собственное мѣсто у меня все-таки было. В новом изданіи «Очерков» я опредѣлил свое положеніе между народниками и марксистами, прежде всего, своим возрастом: я был моложе поколѣнія «семидесятников», но старше «восьми- и девятидесятников» и не пережил в молодые годы гипноза ни той, ни другой доктрины. Признавая все же сильныя стороны и в той, и в другой, я штыгался соединить их в общем синтезѣ, отбросив их увлеченія и односторонности. Эту свою научную привычку я перенес и в сферу своей политической дѣятельности. Я сохранил, таким образом, свободу выбора.

С народниками меня соединяли, во всяком случаѣ, болѣе старыя отношенія. Там меня настолько считали своим, что од-

нажды (кажется, это было в 1902 году) В. А. Мякотин удивил меня предложением вступить в члены центрального комитета социалистов - революционеров. Я тут впервые узнал о его собственной близости к партийному центру с.-р. А он — вероятно, с наименьшим удивлением — выслушал мое объяснение, что я не считаю себя социалистом. Когда «все» в этой среде считались социалистами, заявление это требовало некоторого мужества. Оно не повлияло, правда, на нашу дружбу, но подготовило в дальнейшем некоторое расхождение в политикѣ. Наша близость повела и к другому эпизоду — скорее комического свойства, — который мог разыгратъся трагически. Сестра Мякотина Варвара предупредила меня однажды, что со мной непременно хочет встрѣтиться видный член партіи для очень конфиденціального разговора. В назначенный час, действительно, явился незнакомый мнѣ человек с отталкивающей внешностью (я тогда еще не встречался с Азефом) и потребовал бесѣды в строго - секретной обстановкѣ. Я отвел его в дальнюю комнату — спальню, и там с мѣста в карьер он спросил меня, не могу-ли я описать образ жизни министра Дурново, часы его выѣздов и дать ему фотографическую карточку министра. Подход был очень уж наивен. Я отвѣтил, что нравы министра мнѣ неизвѣстны, а карточку нетрудно достать в магазинѣ. Гораздо поздиѣ я узнал, что Азеф, действительно, донес на меня своему начальству, что я собираю свѣдѣнія для с.-р. о частной жизни Дурново, т. е. участвую в подготовкѣ покушенія на него.

В союзѣ Освобожденія секретной организациі, кромѣ «технической группы», не было, и цѣлью его была как раз легальная и дѣятельность, хотя и в «явочном» порядкѣ. Но нѣсколько поздиѣ и из этого круга я получал неоднократныя и настойчивыя предложенія — в послѣдній раз это было через милѣйшаго историка революціонных движеній, виднаго освободителя, В. Я. Богучарскаго — войти в нѣкій тайный союз. Дорожа своей свободой и не желая подчиняться рѣшеніям неизвѣстнаго мнѣ коллектива, я упорно отказывался. Впослѣдствіи мнѣ, однако, пришлось считаться с готовыми рѣшеніями, принятыми без моего участія, — и довольствоваться тѣм, что я не нес за них личной отвѣтственности. Все же, о своем отказѣ я никогда не жалѣл. Против цѣлаго теченія я, все равно, идти бы не мог.

Я уже упоминал о постановленіи «Большой петербургской

группы) Союза Освобождения, рѣшившей еще 20 октября 1904 г. провести, послѣ ноябрьскаго земскаго с'ѣзда, кампанію «банкетовъ» съ лѣвыми резолюціями. В том же постановленіи было предусмотрено и образованіе союзов — по либеральным профессіям — и послѣдующее сліяніе их бюро в единый «Союз Союзовъ». Форма была выбрана очень удачно: лица разных профессій, естественно, сближались друг съ другом, а подбор из их состава членов, сочувствующих общему направленію освободительнаго движенія, был отчасти уже произведен при созывѣ соотвѣтствующих профессиональных с'ѣздов, выносивших, обыкновенно, самыя радикальныя рѣшенія. «Союзы» были слѣдующей ступеню в фактическом завоёваніи свободы политических объединеній. Их профессиональный состав нѣсколько прикрывал их политическій характер и уменьшал степень риска полулегальнаго существованія. В связи съ банкетами и началось образованіе первых союзов. В самый день «Краснаго Воскресенья», предупреждая событія, представители нѣскольких союзов образовали в помѣщеніи Вольнаго Экономическаго Общества центральное бюро Союза Союзов (по его почину послана была и извѣстная депутація къ Витте наканунѣ 9 января). Лишь потом, путем кооптаціи, по двое представителей от каждаго союза, это самочинное «Бюро» нѣсколько оформилось и в таком видѣ просуществовало до 8-9 мая, когда в Москвѣ состоялся первый с'ѣзд «Союза Союзовъ» в составѣ 60 делегатов от 14 союзов. Большая часть их сложилась в мартѣ и апрѣлѣ 1905 г. Таким образом, к моему возвращенію в Россію союзное движеніе уже было в полном разгарѣ. Все-же степень радикализма и содержаніе платформ разных союзов были весьма различны, полномочія центральнаго органа — Союза Союзов — неопредѣленны, болѣе правильная организація его совершенно необходима при дальнѣйшем ростѣ всего движенія. В прежнем видѣ кто-то назвал Союз Союзов «Ноевым Ковчегомъ». В связи съ выяснившейся возможностью созыва «Булыгинской» государственной думы и собранъ был второй с'ѣзд Союза Союзов в Москвѣ 24-26 мая, принявшій характер учредительнаго. В нем я принялъ участіе в роли избраннаго с'ѣздомъ предсѣдателя.

Собственно, уже в апрѣлѣ мнѣ пришлось взять на себя зациту в печати идеи союзов против нападеній справа и слѣва. Там и здѣсь — особенно же со стороны социал-демократов — осуждали союзы за то, что из строго профессиональных они явно дѣ-

лались политическими... С.-д. даже отказывались вступать в них (союз учителей) в виду невыясненности их политического настроения. Они предпочитали видѣть в союзах безцвѣтный раствор для насажденія собственной культуры. Я отвѣчал им, что в союзах мѣста достаточно для всѣх и что именно их отсутствіе поведет к тому, что среднее настроеніе союзов сложится без них и в этом видѣ проникнет в массы. Но именно против этого настроенія и этой тактики они и возражали. Их ревность к союзам росла по мѣрѣ развитія союзнаго движенія, и я лично сдѣлался козлом отпущенія, как лицо, тянущее союзы к уровню самаго умѣреннаго из них, земско - конституціоннаго. Троцкій выражался еще рѣзче. «Союз Союзов представляет собою организаціонный аппарат для приведенія разношерстной оппозиціонной интеллигенціи в политическое подданство земскому либерализму, — самому отсталому и косному из объединяющихся теченій». Для Троцкаго это не болѣе, не менѣе, как «земская узда, накинутая освободителями на демократическую интеллигенцію». Особенно ревнивы стали с.-д., когда замѣтили, что нѣкоторые союзы прямо связаны с массами, что к Союзу Союзов примкнулъ крестьянскій союз (правда, тогда бывшій в зародышѣ) и т. д. В «Искрѣ» 21 іюня появилась статья, в которой говорилось: «половинчатая демократія не только организует, без нашего благосклоннаго содѣйствія, свой интеллигентскій авангард, но собирается еще оспаривать у нас нашу исконную политическую вотчину — народныя массы — и, в частности, пролетаріат».

На этот раз с.-д. были болѣе правы, чѣм в подобных-же обвиненіях меня по поводу Парижскаго совѣщанія с лѣвыми в их отсутствіи. Я, дѣйствительно, желал — и предсказывал им, — что скоро в массах «начнут звучат рядом с крайними и принципиальными болѣе умѣренные и практическіе голоса». Но это отнюдь не значило, что я хочу подчинить Союз Союзов вліянію «земцев» (тут смѣшивалась, кромѣ того, общая земская среда с группой «земцев - конституціоналистов», с самаго начала принявших участіе в Союзѣ Освобожденія). Это явствовало уже из характера моего предсѣдательствованія на втором майском с'ѣздѣ и особенно ярко выявилось при сопоставленіи этого с'ѣзда с другим с'ѣздом, собравшимся в эти же дни в Москвѣ — т. наз. «коалиціонным» земским. Оба с'ѣзда собрались в «дни Цусимы», и ре-

акція их на катастрофическое пораженіе русскаго флота выразилась совершенно различно.

Прежде чѣм говорить об обоих, не могу не остановиться на демонстраціи, вышедшей из петербургских освобожденческих кругов с цѣлью отчасти выразить, а отчасти вызвать возмущенное общественное отношеніе к Цусимскому пораженію. Ко мнѣ явились два члена Союза Освобожденія, Фальборк и Чарнолуcскій — два эти имени никогда не произносились врознь — в сопровожденіи В. В. Водовозова и предложили участвовать в организаціи общественнаго протеста против правительства по поводу Цусимы. Я согласился, и было рѣшено, по их предложенію, организовать общественную демонстрацію в Павловскѣ, используя для этого очередной вечерній концерт в залѣ Павловскаго парка. Предположено было во время антракта выдвинуть оратора, который-бы выяснил публикѣ огромное значеніе происшедшаго событія и призвал ее выразить свой протест против допущившаго катастрофу режима.

Оратором с обычной готовностью согласился выступить Водовозов, принявшій порученіе, как исполненіе общественнаго долга, а, чтобы предупредить вмѣшательство полиціи, рѣшено было, окружить оратора тѣсной толпой друзей, которые дали-бы ему возможность скрыться. Вторым оратором намѣчался А. И. Новиков, обладавшій зычным голосом и охотно шедшій навстрѣчу публичным скандалам на общественной почвѣ. В назначенное время «заговорщики», оказавшіеся весьма немногочисленными, заняли стратегическіе посты в Павловской залѣ и, при наступленіи антракта, водворили Водовозова на стол для произнесенія рѣчи. Но впечатлѣніе было совсѣм не то, на которое мы рассчитывали. При первых-же фразах оратора публика, остановившаяся было в недоумѣніи, начала разбѣгаться. Вторгнувшаяся в залу полиція разогнала и остальных. Наша кучка держалась вмѣстѣ; Водовозов, издали замѣтный по своей путаной шевелюрѣ, едва прикрытой высокой папахой, гордо стоял на мѣстѣ, готовый принять неравный бой. Мы едва успѣли стащить его со стола, сорвать с него папаху и замѣшать его среди нас. Полиція, по счастью, его тут не нашла, а мы — уже без всякой гордости — поспѣшили разсыпаться в разныя стороны. Гнѣвъ полицейских обрушился на случайных зрителей, смотрѣвших на происшествіе из-за дверей залы. Кое-кто пострадал от ударов; был даже один

выбитый глаз. «Массоваго настроенія» не создалося, но фактъ демонстраціи можно было зарегистрировать. Я уходилъ съ чувствомъ стыда за нашу наивность — или фальсификацію — и неловкости передъ «героями» подвига. От повторенія подобныхъ демонстрацій это происшествіе меня радикально излѣчило.

Истиннымъ виновникомъ происшествія представился мнѣ не столько Чарнолуескій, — загадочная личность, стоявшая за Фальборкомъ, — вѣчно молчаливый, игравшій роль его ментора, сколько самъ этотъ несносный болтун, всегда въ томъ же азартѣ рассказывавшій, задыхаясь отъ волненія и забывая сопроводить подлежащія сказуемымъ, о какихъ-то своихъ таинственныхъ знакомствахъ съ вліятельными особами, которыя только-что сообщили ему самый новѣйшій и ужасно важный секретъ. Принимать его всерьезъ было невозможно; но какой-то зарядъ агитатора былъ въ этой текущей истерикѣ; на незнакомаго слушателя онъ могъ оказать свое дѣйствіе.

То глубокое впечатлѣніе отъ Цусимы, которое мы тщетно пытались вызвать, было въ дѣйствительности произведено на публику. Гибель русскаго флота вызвала неподдѣльный взрывъ негодующаго патріотическаго чувства въ широкихъ кругахъ. Но найти ему соотвѣтственное выраженіе взяли на себя не лѣвыя, а земцы — тѣмъ способомъ, который имъ былъ доступнѣе, нежели освобожденцамъ. Это былъ путь обращенія къ царю.

Бюро земскихъ с'ѣздовъ рѣшило — исключительно для этой цѣли — вновь сойтись съ ушедшимъ отъ него меньшинствомъ. Немногочисленные представители земскаго меньшинства какъ разъ за сѣдали въ эти дни въ Москвѣ, обсуждая, съ своей точки зрѣнія, предвыборные вопросы. Ф. А. Головинъ предложилъ Д. Н. Шипову отъ имени бюро с'ѣздовъ собраться вмѣстѣ съ большинствомъ на общій с'ѣздъ 24 мая. Предложеніе было принято, — не безъ колебаній, — и тотчасъ-же обнаружались глубокія разногласія. Меньшинство хотѣло «поддержать власть»; большинство — добиться отъ нея «измѣненія государственнаго строя». Рѣзкій тонъ проекта «адреса - петиціи» царю былъ смягченъ поправками; но единственный представитель меньшинства, Шиповъ, выбранный с'ѣздомъ въ составъ делегаціи къ царю, все же отказался въ ней участвовать. Большинство еще больше смягчило свое обращеніе къ царю, выбравъ для вступительнаго слова ораторомъ депутаціи С. Н. Трубецкаго. Надо признать, что, если вообще обращеніе къ царю было признано полезнымъ, то только такимъ тономъ и можно было говорить съ нимъ отъ

всего с'ѣзда, как говорил Трубецкой. Я присутствовал в гостиницѣ «Франція» на Морской, гдѣ происходила своего рода репетиція рѣчи перед от'ѣздом делегации в Петергоф; выслушал и впечатлѣнія участников послѣ их возвращенія в гостиницу. Могу засвидѣтельствовать испытанное нами чувство удовлетворенія «отеческим» обращеніем Трубецкого, — чувство, которое потом раздѣлила вся Москва, сдѣлавшая Трубецкого своим любимцем и пославшая потом десятки тысяч проводить его гроб; за ней, думаю, и вся Россія. Жестоко бранили с'ѣзд слѣва — и за самую идею коалиціи, и за форму обращенія; рѣзко критиковали тон и отдѣльныя выраженія рѣчи. Многіе члены большинства были сконфужены этими упреками; но, несомнѣнно, ближайшая цѣль обращенія была достигнута. Впервые из уст царя послышались слова, похожія на искреннее обѣщаніе реформы.

Разумѣется, обращенія к общественному мнѣнію по поводу Цусимы требовали иного тона. Брат Трубецкого, Евгений, писал тогда в «Правдѣ»: «Издѣвательство над общественным мнѣніем должно-же когда-нибудь кончиться. Дальнѣйшее стремленіе наших опекунов опекать нас не нашло-бы на человѣческом языкѣ достойнаго названія... Посторонитесь, господа, и дайте дорогу народным представителям»...

При таком приподнятом настроеніи различных общественных кругов собрался второй с'ѣзд Союза Союзов, выбравшій меня председателем. У него было, прежде всего, свое собственное дѣло. Рѣшенія перваго с'ѣзда 8-9 мая были приняты не окончательно, а для доклада отдѣльным союзам. Теперь Союзы должны были принести свои отвѣты. Форма Союза Союзов, «автономная на федеральных началах», оставалась очень свободной; в сущности, это был пока лишь орган взаимной информации и освѣдомленія. Его рѣшенія выполнялись им лишь по уполномочію на это отдѣльными союзами своих делегатов. Машина, как видно, была весьма громоздкая. Задачей втораго с'ѣзда — и моею — становилось сократить эту процедуру, дав Союзу Союзов больше самостоятельности. Путь къ этому заключался в вынесеніи за скобки того общаго политическаго содержанія, которое уже заключалось в отдѣльных программах союзов. Получалась уже намѣченная формула: «борьба за политическое освобожденіе Россіи на началах демократизма». Лѣвые справедливо находили эту базу для общей платформы слишком неопредѣленной. Но был намѣчен также и

способ ея развитія: «необходимость немедленнаго созыва учредительнаго собранія народных представителей, избираемых всеобщим, прямым и тайным голосованіем». Собственно, эта сакраментальная формула была влючена и в проект петиціи к царю, предложенный коалиціонному с'ѣзду, причем (слѣдую воспоминаніям Шипова) предполагалось идти к царю всѣм скопом — болѣе 200 человекъ. Но по настоянію меньшинства эти слова были замѣнены фразой: «избранных для сего равно и без различія всѣми подданными вашими» (а 200 человекъ замѣнены делегацией). В этом и заключалось, с точки зрѣнія лѣвых, первое предательство коалиціоннаго с'ѣзда. С'ѣзд Союза Союзов был в этом вопросѣ осторожнѣе. Он отверг предложеніе выразить «сочувствіе» коалиціонному с'ѣзду. Но он отверг также и обратное предложеніе: заявить «протест» против делегациі к царю. Равнодѣйствующая Союза Союзов выразилась, таким образом, в своего рода «доброжелательном нейтралитетѣ». Сам Союз, конечно, пошел по другому пути. Для себя он призналъ обязательным «явочный порядок» дѣйствій, — разумѣя под этим фактическое осуществленіе свободы слова, печати, союзов и собраній, устройство демонстрацій по разным поводам, открытое заявленіе членов союза о своей принадлежности к союзам и организацию их самозащиты. вмѣсто царя он обратился к обществу и народу и для этого принялъ написанное мною воззваніе. Оно было составлено в очень рѣзких выраженіях, но тогда не казалось ни крайним, ни риторическим, вполне отвѣчая уровню настроенія с'ѣзда и моего собственнаго. «Надежда, что нас услышат, теперь отнята», говорилося там: «мы должны дѣйствовать, — как кто умѣет и может по своим политическим убѣжденіям... Всѣ средства теперь законны против страшной угрозы (Е. Трубецкой говорил: «катастрофы»), заключающейся в самом фактѣ дальнѣйшаго существованія настоящаго правительства... Мы обращаемся... ко всему, что есть в народѣ живого и способнаго отозваться на грубый удар — и мы говорим: всѣми силами, всѣми мѣрами добивайтесь немедленнаго устраненія захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ея мѣсто учредительное собраніе, избранное народом на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣх граждан без различія пола, національности и вѣроисповѣданія, — чтобы оно могло как можно скорѣе покон-

чить с войной и с господствующим до сих пор политическим режимом».

В процессъ расхожденія политических теченій эта моя «разбойничья шайка» свою роль сыграла. Грань вправо стала яснѣе: она прошла гдѣ-то между мною и Гучковым. Земцы — конституціоналисты консолидировались влѣво — по сю сторону этой грани. Но и полного единомыслія с Союзом Союзов, при разнообразіи политических настроеній внутри самих союзов, у меня не было. Я продолжал считаться предсѣдателем этого органа и мог бы, при желаніи, видѣть в этом нѣкоторый успѣх моей примирительной миссіи. Но послѣ второго с'ѣзда, при моем же содѣйствіи, Союз Союзов уже переставал быть простым инфрмационным органом; он дал упомянутыя директивы союзам не только к свѣдѣнію, но и к исполненію. Его самостоятельная роль должна была осуществляться, правда, лишь в предѣлах констатированных нами общих настроеній; но в какую сторону эти настроенія будут развиваться в дальнѣйшем; какое из «трех теченій», отмѣченных в печати среди союзов, возобладает, — все это пока оставалось неизвѣстным. Во всяком случаѣ, яростныя нападки на меня слѣва, — что я веду Союз Союзов в фарватер земцев (в общем смыслѣ) — оставались лишь полемическим приѣмом. Все зависѣло от дальнѣйшаго роста революціонных настроеній.

Перспектива эта начала выясняться уже на третьем с'ѣздѣ Союза, 1-3 іюля, в Петербургѣ - Теріоках, на котором меня, по случайной причинѣ, не было, — и союз земцев - конституціоналистов считался не представленным. Очередным предметом совѣщанія был там вопрос об отношеніи к готовившейся «Булыгинской» думѣ; вѣроятность ея созыва послѣ рѣчи Трубецкого и отвѣта царя 13 іюня в Петергоффъ сильно увеличилась. Отрицательное отношеніе к думѣ совѣщательнаго характера, избираемой при отсутствіи свободы выборов, на основаніи куріальной системы с многостепенными выборами, было, конечно, всеобщим. Но на вопросѣ о практическом отношеніи к выборам, если они все-таки состоятся, с'ѣзд раскололся. С'ѣзду предлагалось признать недопустимым участіе в выборах и рекомендовать агитацію в избирательных собраніях в пользу отказа выборщиков от участія в них. Но за это высказались только 9 союзов. Три были против (писатели, профессора и учителя средней школы), 4 воздержались (крестьянскій, еврейскаго равноправія, профессора и учи-

теля низшей школы). Это меньшинство признало «разрѣшеніе вопроса в отрицательном или положительном смыслѣ в настоящее время невозможным» и предложило отложить его до слѣдующаго с'ѣзда, «по осуществленіи и смотря по результатам предположеннаго протеста (против начал, положенных в основаніе учрежденія Думы)».

На этом прекратилось мое единомысліе с большинством Союза Союзов. Я шел и дальше меньшинства: у меня не было сомнѣній в ошибочности тактики бойкота вообще. Даже «Искра» писала в то время: «Союз Союзов рѣшил бойкот; но правильно-ли?» Меньшинство с'ѣзда, во всяком случаѣ, признало вопрос невыясненным. Проект учрежденія Думы вышел, правда, к этому времени из тайников совѣщаній, гдѣ «разслабленные старцы», по живописному выраженію автора проекта Крыжановскаго, цѣлые мѣсяцы бессильно жевали непосильную для них тему. Но никто не мог знать, когда-же «воля царская» будет исполнена — и будет-ли она исполнена вообще. Случайное обстоятельство пролило для меня лично луч свѣта на исторію подготовки «Булыгинской» думы в ея послѣдней стадіи.

Для окончательнаго обсужденія Булыгинскаго проекта было собрано во второй половинѣ іюля совѣщаніе в Петергофѣ в составѣ пяти великих князей, всѣх министров и высоких сановников, под предсѣдательством государя. Протоколы этого совѣщанія печатались в глубочайшем секретѣ, всего в двух экземплярах. Но я получил доступ к этим и другим матеріалам совѣщанія, благодаря тому, что в состав его был приглашен мой старый университетскій учитель, проф. В. О. Ключевскій. Мы разстались с ним перед моей высылкой в Рязань в обстоятельствах, дѣлавших для меня очень тяжким мое пребываніе в университетѣ. И мнѣ, поэтому, было особенно отрадно, что, вызванный в Петербург, Василій Осипович тотчас послал ко мнѣ своего сына Бориса с полученными им матеріалами и с просьбой помочь ему ориентироваться в петербургской обстановкѣ. У нас завязались на этой почвѣ ежедневныя сношенія в его гостиницѣ на Пушкинской улицѣ. В теченіе всей недѣли, пока продолжались совѣщанія (19-26 іюля), я проводил у него всѣ вечера, слушая его подробные рассказы о том, что происходило в Петергофском дворцѣ, и обсуждая вмѣстѣ программу на слѣдующій день*).

*) Позднѣе В. О. вошел в партію к.-д. и по ея списку баллотировался в выборщики в Сергіевском Посадѣ.

От него я узнал, что вызван он был по почину правой клики, рассчитывавшей найти в нем надежного союзника в предстоящей борьбѣ. В первые дни они открывали перед ним всё свои секретные планы. Лукавство не было чуждо моему учителю, и он нѣкоторое время оставлял в заблужденіи своих собесѣдников, — пока, наконец, они не замѣтили разницу взглядов и стали с ним осторожнѣе. Таким образом, я узнал не только лицевую, но и закулисную сторону борьбы партій на с'ѣздѣ. Главным предметом приглушеннаго словеснаго состязанія под предсѣдательством царя оказалось, конечно, не самое Учрежденіе Думы, а ключ к господству над нею — избирательный закон. Борьба шла между сохраненіем бессословности (очень относительной, конечно) по правительственному проекту и откровенными прямыми выборами по сословіям, по предложенію правых заговорщиков. «Иначе в думу попадут люди земскаго типа, которым не дороги исконныя русскія начала», — так аргументировал Стишинскій, защищая проект «Отечественнаго Союза». Оппозиція была упорная и не хотѣла сдаваться до самаго конца засѣданій. Царь, обработанный правыми, видимо, колебался. Ключевскій был в выгодном положеніи, защищая проект правительства. Он произнес двѣ рѣчи против сословности выборов; самое ударное мѣсто, произведшее сильное впечатлѣніе, должно было напомнить царю увѣщанія Трубецкаго. Сословность выборов, говорил Ключевскій, «может быть истолкована в смыслѣ защиты интересов дворянства. Тогда возстанет в народном воображеніи мрачный призрак сословнаго царя. Да избавит нас Бог от таких послѣдствій». Надо напомнить, что благонадежность дворянства подверглась в этом собраніи грубым нападкам в. к. Владимира Александровича.

Когда проект стал законом (6 августа), я имѣлъ возможность, на основаніи матеріалов Ключевского (собранных Крыжановским), написать в «Правдѣ» подробно документированную статью о мѣстѣ этого акта среди предшествовавших ему, о его преимуществах перед ними и его основных недостатках. А на слѣдующій день в «Сынѣ Отечества» появилась моя статья, в которой доказывалось, что тут, наконец, как ни как, перейден тот Рубикон, перед которым на полвѣка остановилась русская политическая борьба, и что из акта 6 августа вытекает с неизбѣжностью признаніе существованія политических партій и всѣх тѣх свобод, которыя так же необходимо связаны с самым фактом выборов народных

представителей. Я, таким образом, высказывался против бойкота выборов и предлагал перенести дальнѣйшую политическую борьбу в самую Думу, как бы она ни была несовершенна *). Это дало повод Троцкому перенести со Струве на меня свой полемическій прицѣл.

По ироніи судьбы в то же утро, когда моя статья появилась, я был арестован и посажен в «Кресты», гдѣ просидѣл цѣлый мѣсяц. Полиція считала, что с изданіем акта о Думѣ уничтожено дѣйствіе указа 18 февраля, который допускал открытое обсужденіе преобразованій стараго строя. А в это утро у меня на ст. Удѣльной собрались делегаты Союза Союзов для обсужденія, как отнестись к Булыгинской думѣ. Мой флигель был окружен полиціей, которая на нѣскольких извозчиках отвезла всю собравшуюся компанію в город. Тюрьму пришлось искать, так как помѣщеніе не было для нас подготовлено. С подушками и спальными принадлежностями под мышками, мы среди недоумѣвающей публики переходили через Неву из «Крестов» на Шпалерную и обратно в «Кресты», гдѣ, наконец, нас пріютили. В нашей средѣ оказалось двое статских совѣтников (профессора А. А. Брандт и Я. И. Гордѣнко — из союза инженеров), и к нашей кучкѣ, по этой-ли причинѣ или по обстоятельствам времени, пріемщики отнеслись весьма почтительно. Мое послѣднее (третье) тюремное сидѣніе походило на идиλλію.

П. Милюков

*) Текст протоколов засѣданій петергофскаго совѣщанія также был мнѣ доставлен, передан мною в распоряженіе журнала «Прав» и напечатан за-границей с предисловіем І. В. Гессена. Рукопись до сих пор хранится у меня.